

Последний Юрий Иосифович

Если бы Юрий Коваль дожил до этого декабря, он получил бы к Новому году великолепный подарок - две свои книги: "Сказки про зеленую лошадь" в издательстве "Малыш" и "Приключения Васи Куролесова" в "Самоваре". Но у настоящих писателей, увы, нередко бывает так, что подарки от них получаем мы, причем именно тогда, когда их самих уже с нами нет.

Когда-то вчетвером они организовали "Тайное общество Юриев Иосифовичей" - Визбор, Домбровский, Коваль и Коринец. В августе прошлого года ушел из жизни последний - Юрий Коваль. Автор "Недопеска", "Самой легкой лодки в мире", множества замечательных рассказов. Писатель, который всю жизнь считался детским, но с книгами которого, прочитав в детстве, не расстаются до старости. Он был шире и глубже этих прилагательных: детский, взрослый, хороший... Он был - Писатель, и о том, какой он, никто не расскажет. Надо просто взять книжку и прочитать. Так что вам, дорогие читатели, два новогодних подарка от Юрия Ковалья и "Арт-Фонаря" - веселый и грустный - фрагменты его последнего романа "Сэр Суер-Вьер" (сам он говорил: "Да какой же это роман! Это совсем другой жанр - это пергамент"). Грустный - кусочек последнего же его интервью, которое при жизни Ковалья так же, как и "пергамент", опубликовано не было. И только сейчас, готовя его к публикации, я заметил, что тогда, за полгода до смерти, о своей жизни он говорил в прошедшем времени...

- Какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать ваш читатель?

- Конечно, желательно обладать выдающимися качествами. Желательно - но это не обязательно. Я пишу так, будто я пишу для маленького Пушкина. Ну как будто. То есть я предполагаю в своем читателе - ребенке - уже очень широко развитый, готовый к восприятию меня мир. Ну и пусть он не знает некоторых слов - узнает. Я пишу для избранных - это совершенно четко. Для избранных детей.

- Так вы детский писатель?

- Да как хочешь, так и называй. Я понимаю так, что я писатель такой немножко всеобщий. Недавно одной милой женщине я подарил книжку. Она прочла что-то около пяти страниц. Я спрашиваю: "Ну как вам?" А она: "Да как-то уж очень просто. Так просто, что аж неинтересно". А другая читательница, которую уж никак не упрекнешь в простоте, а именно Белла Ахатовна Ахмадулина, сказала: "С каким наслаждением я вашу книгу перечитывала!" Ну и как тут быть? Для одной женщины я оказался слишком прост, а для женщины со столь сложным мировосприятием - желанен.

- Свои рассказы вы нередко пишете от первого лица.

- Это лирическое "я", которое присутствует в рассказах, в какой-то мере меня отражает. "В бестолковых м о и х скитаниях по вечно вечерним сентябрьским полям встречались м н е и люди с ножами". Все-таки я пишу "я".

- Вы и в самом деле такой скиталец?

- Сейчас, может быть, уже не такой яростный. И потом, скитаться можно... Я вот сейчас выйду из мастерской и пойду в магазин за бутылкой водки - это может быть скитанием. Дело не в том, сколько ты прошел, а в том, сколько ты пережил за количество пути. Скитание - это вещь такая, скитаться можно, сидя на месте.

- Но...

- Но все это правда. Конечно же, все это правда. Конечно же, я знаю, где Багровое озеро. И лодка эта есть, лежит она у меня на чердаке в моей избушке на Цыпиной горе. И в Феррапонтове я, конечно, бывал, и в Белозерске, и за Белозерском, и по Ковже плавал, и по

Шоле, и на Ладоге бывал, и на Валааме бывал дважды. Ездил по России бесконечно.

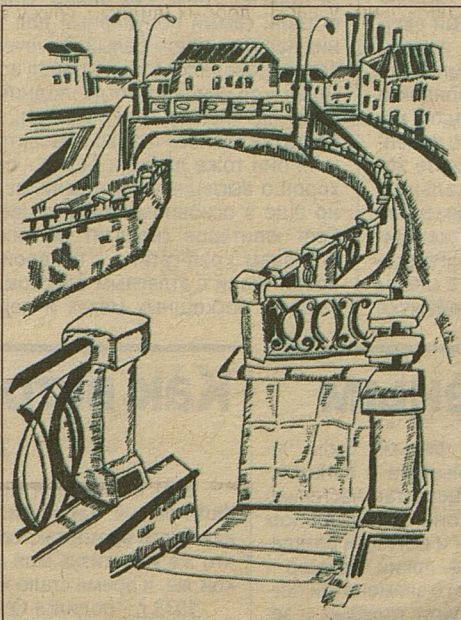
Есть у Лакшина такие слова:

А над забытым полем давно умерший звон Бескrestных колоколен.

Одна другой - поклон.

Я вот как-то подумал про себя - когда мы вместе с ним это пели, я так не думал - что эти слова на редкость точно определяют мою жизнь. Вот так я и прожил. И пропутешествовал, и продвигался по земле нашей... Это, конечно, чрезвычайно печальный итог. Разумеется, между этими поклонами было много веселых. Я любил женщин, я искал грибы, я охотился на уток, я стоял на тяге вальдшнепов, я дружил с Лакшиным, с Георгием Семеновым, с другими прекрасными людьми... Но вот эти колокольни, которые кланяются, - они были все время. Вот такая песня, мой друг...

Знаешь, у меня есть один друг, замечательный просто человек. Иван Михайлович Овчинников. Он энтомолог, зоолог, писатель. Он знает, что я человек верующий. А он - атеист. И как только мы встречаемся, он начинает мне говорить: "А все-таки Бога нет!" И всячески мне эту идею пропагандирует - ему интересно вызвать меня на поединок. И знаешь, какое самое сильное мое доказательство? "Ваня, доказательство бытия Божьего - это то, что ты есть на свете и что мы с тобой сейчас



разговариваем". Ну как ему еще докажешь. А так он думает: кажется, я все-таки произвел божественное...

Владимир Мартынов
"СУЕР-ВЬЕР"

Темный крепдешин ночи окутал жидкое тело океана.

Наш старый фрегат "Лавр Георгиевич" тихо покачивался на волнах, нарушая тишину тропической ночи только скрипом своей ватерлинии.

- Грот-фок на гитовы! - раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцать храпов, и тридцать три мозолистые подошвы выбили на

Живите так, чтобы вам не было стыдно продать домашнего попугая главной сплетнице города.

Роджерс



палубе утреннюю зорю. Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в свое одеяло.

Глава I-VI. Шторм

Служил у нас на "Лавре" вперёдсмотрящий. Ящиков.

А мы решили еще и назадсмотрящего завести. Надо иногда, знаете ли, и оглянуться. Короче - завели. Завести-то завели, а фамилию ему давать не стали. Ну на кой, скажите, пес назадсмотрящему фамилия?

- Дайте же хоть какую-нибудь, - он говорит, - ну хоть бы - Бунин.

Насмешил нас тогда этот назадсмотрящий. Бунина захотел.

А тут вперёдсмотрящий кричит:

- Идет шторм!

- Шторм? - удивился наш капитан Суер-Вьер. - Так ведь он умер.

- А это другой шторм идет!

- И другой умер, - сказал Суер. - Через два года.

- Знаете что, капитан! Свищите лучше всех наверх!

- Рак, - пояснил капитан то ли про первого, то ли про второго Шторма.

- А ну вас всех, прости меня Господи, - сказал назадсмотрящий. - Понасели на "Лавра Георгиевича" и плывут незнамо куда, гады!

- У обоих, - закончил Суер предыдущую мысль.

Перед бурей утихли волны. В тишине слышался скрип нашей ватерлинии и какие-то клетчатые звуки. Это мадам Френкель еще плотнее закутылась в свое одеяло.

Глава VII. Развлечение боцмана

Служил у нас на "Лавре" боцман Чугайло. Он уже несколько месяцев не сходил с борта и совершенно озверевал.

- Хочу развлечения! - ревел он иногда в своей каюте.

Правда, еще издали было видно, что особых развлечений на этом острове не состоится. Посредине стояло какое-то сухое дерево, а вокруг сплошной камень.

Правда, еще издали было видно, что особых развлечений на этом острове не состоится. Посредине стояло какое-то сухое дерево, а вокруг сплошной камень.

Правда, еще издали было видно, что особых развлечений на этом острове не состоится. Посредине стояло какое-то сухое дерево, а вокруг сплошной камень.

Правда, еще издали было видно, что особых развлечений на этом острове не состоится. Посредине стояло какое-то сухое дерево, а вокруг сплошной камень.

Правда, еще издали было видно, что особых развлечений на этом острове не состоится. Посредине стояло какое-то сухое дерево, а вокруг сплошной камень.

Правда, еще издали было видно, что особых развлечений на этом острове не состоится. Посредине стояло какое-то сухое дерево, а вокруг сплошной камень.

- Неплохо ходит, холера!

- Господин Чугайло! - кричал Пахомыч. - Да вы побыстрее ходите, а то не развлечетесь.

- Сам знаю, как хожу! - ревел боцман. - Развлекаюсь, как умею.

- Чепуха, - сказал лоцман Кацман, - так он не развлечется никогда в жизни. Давайте потихоньку сядем в шлюпку и уплывем, вот тут он и развлечется.

И мы сели в шлюпку и отплыли на три кабельтовых. Боцман Чугайло вначале не заметил нашего маневра и ходил, тупо глядя в землю, а когда заметил - забегал вокруг дерева, то и дело падая на колени.

- Вы куда? - орал он. - Вы куда?

Ничего он не мог придумать, кроме этой моржовой фразы. Ясно куда: на "Лавра".

- Не покидайте меня, братцы, - орал Чугайло в пространство, а мы посмеивались и делали вид, что навеки уплываем.

- А что? - сказал Суер. - Может, и вправду оставить его на острове? Надоел ужасно. Ходит всюду, плюется и сморкается. Всего "Лавра Георгиевича" заплевал.

- Давайте оставим, - сказал Пахомыч.

Думали мы, думали и решили оставить боцмана на острове. Хрен с ним, пускай развлекается.

Глава VIII. Славная кончина

Я совсем забыл сказать, что с нами тогда на борту был адмиралиссимус. Звали его Онисим. И многим не нравилось поведение адмиралиссимуса. Герой Босфора, мученик Дарданелл, он совсем уже выжил из ума, бесконечно онанировал и выкрикивал порой бессвязные команды, вроде:

- Тришка! Поддай сюда какао, сукин кот!

В другой раз он беспокойно хлопал себя по лысинке, спрашивая:

- Где мое какаду?

Чаще же всего он сидел на полубаке и шептал в пространство:

- Как дам по уху - тогда узнаешь!

Матросы не обижали старика, а Суер потешно его жалел.

Один раз Суер велел боцману переодеться Тришкой и подать Онисиму графин какао. Какао, как и Тришка, был поддельным - желуди да жженный овес, кокосовый жмых, дуст, немного мышьяка, но адмирал выпил весь графин.

- Где мое какаду? - распаренно спрашивал он.

Суер-Вьер велел нам тогда поймать на каком-нибудь острове какаду. Ну мы поймали, понесли мученику и герою.

- Вот ваше какаду, экселенс! - орал мы, подсовывая попугая старому морепроходцу.

Адмиралиссимус восхитился, хлопал какаду по плечам и кричал:

- Как дам по уху - тогда узнаешь!

Стали мы подкладывать лоцмана Кацмана, чтоб адмиралиссимус ему по уху дал. Но лоцман отнекивался, некогда ему, он фарватер смотрит. А какой там был фарватер - смех один: буи да створы. Навалились мы на лоцмана, повели до адмиралиссимуса.

Старик Онисим размахнулся, да так махнул, что сам за борт и вылетел.

- Вот кончина, достойная адмиралиссимуса, - сказал наш капитан Суер-Вьер. Потом уже на специально открытом острове мы поставили памятный камень с подобающей случаю эпиграфией:

Адмиралиссимус Онисим
Был справедлив, но - онанисим.

Арт-фонарь. прил. к "Аргументам и фактам". - 1996. - дек. (1-24). - 95.